
Сирени куст воспоминания хранит
И под жасмином скрытая скамейка.
Пока что это не кладбищенский гранит,
А только снова предложение римейка.
Здесь губы волосы чужие целовать
По вечерам учились не без явного успеха.
Весна прошла, другому счастье отдавать
Воспоминанья эти больше не помеха.
Мы изменились, и за месяц изменился мир,
Но память пальцев сохранилась всё же,
Амур для стрел своих находит новый тир,
Хоть поцелуев память сохраняется на коже.

Новый год провести в кабаке,
В каталонском хмельном ресторане,
Виноград сохраняя под полночь в руке,
Как прикладывать корпию к ране.
Здесь вино наливают в стаканы, и ждёшь
От уже пережитых событий
В новый год неизбежных чудесных открытий,
Хорошо понимая, что всё это ложь

И только утром понемногу понимаешь,
Как был неправ вчера и очень заблуждался.
Приход катарсиса в похмелье ожидаешь,
Хоть ничего хорошего, конечно, не дождался.
И пить не стоит тёплое бутылочное пиво,
Да и вином с утра не следует, наверное, лечиться,
Когда всё утро за окном мелькает, как на диво,
Какой-то ангел непутёвый или птица.

Сколько ассов придётся опять за фалерн заплатить.
И хиоское тоже, к несчастью, опять возрастает в цене.
Это точно важнее, чем то, что сегодня сумеет смутить
В этих сварах сенатских и в слухах о близкой войне.
Но пока есть в остерии местной какой-то кредит

И Овидия строки, и старый уже безобразник Катулл.
Жизни всё это, в общем, нисколько сейчас не вредит,
Хоть она и висит на плече, словно старый баул.

Приходит постепенно пониманье сонного дождя,
Весны и осени истории, как горького лекарства.
Конфуция сентенции о судьбах и задачах царства
Поддерживают образ пошлого и мелкого вождя.
Как всё же нынче сделались привычны неудачи,
И сделалась какой убогой жизни перспектива.
Конечно же, чтоб с этим совладеть, не хватит пива,
И только водка подаёт надежду на решение задачи.

Шинкарь-еврей в корчме всегда нальёт
Да и горилки выпить не откажется со мною.
Нас общее, конечно, лихолетье ждёт,
И захлестнёт несчастье общею волною.
Снега заносят по степи шляхи,
И смута заползает в улицы местечка.
Нам заплатить придётся за грехи
Чужие и свои, и всем нам будет гречка.

Наверно, в дальних Томах или где-нибудь в Сиде
Был третий век для жителей тюрьюмою понарошку.
В провинции не стоит думать о какой-нибудь беде
И что печального увидеть можно здесь,
прильнув к окошку.

Чего ещё от этой сонной жизни нам прикажете желать?
Вода к фонтанам с дальних гор бежит по акведуку,
Дороги ремонтируют, и письма так легко послать,
Легко преодолев с друзьями близкими разлуку...
На рынке вновь упали цены на зерно и на рабов,
Налоги медленно растут, и нимфам памятник построен,
И свиньям много желудей достанется с разросшихся дубов,
Да и Алексей в театре нашем весел так и строен.

Лишь я один всех помню и люблю.
Какое утешенье в долг от бога,
Как эта запустевшая дорога,
Ведущая к чьему-нибудь жилью.
А может быть, к тебе. Пытаюсь вспомнить
Твои в снегу пропавшие следы
И то, как оборачивалась ты
На голос мой, но всё трудней заполнить
Мои воспоминанья, я один
Ищу тебя без видимого прока,
В дороге заблудившись у порога
Без видимых каких-нибудь причин,
Но в долг не попрошу опять у бога.

Здесь не хватает самого простого:
Простого созерцания луны,
Простого понимания зимы
И времени движенья не пустого.
Здесь не хватает, в общем-то, любви
Или того, что ей пришло на смену.
Нам не пробить с тобой глухую стену,
Не станут и реальностью твои
Фантазии, надежды и упрёки.
Напрасно ветер нам раскрашивает щёки
В цвета надежды счастья и любви.

Я буду приходить к тебе во сне,
Слегка касаясь губ или твоих коленей,
Одним из запоздавших откровений,
Последним инеем на утреннем окне.
Прикосновенья будут по утру тебе казаться ,
Но не захочешь ты сама себе признаться,
Запутавшись в холодной простыне,
В реальности моих прикосновений,
В реальности любого из мгновений,
Приснившихся тебе в моём под утро сне.

Костерок у под ветром поблекшей реки,
Скоро дождик пойдёт среди ив копошиться,
В закопчённом котле закипает ушица,
И на юг потянулись от осени близкой чирки.
Как под утро на мир ты с тоской ни смотри,
Лечит всё-таки эта чужая больница.
Ты себе это снова под утро привычно соври
И попробуй опять на земле поселиться.

Ложится иней в феврале
На крыши,
Прозрачней стали во дворе
И выше
Деревья с клочьями листвы,
Чернее
Асфальт, и кажутся мертвы
Скорее,
Чем живы окна и дома
Напротив.
И только бледная луна
Как в гроте
Ложится тенью от теней
На стены
Пустынной комнаты моей,
Как вены
Деревьев, ветки в феврале
Стремятся
Тенями на моем дворе
Собраться.